

Виталия Бабущак

Убийство

Убийство. Первое, что возникает в моей голове, когда я слышу это слово, – драка, кровь из томатного сока брызжет на стены, взрыв – машина переворачивается в воздухе, пропасть, куда в финале падает злодей. Одним словом – экшн, после просмотра которого твоя жизнь кажется унылой. Ни тебе погонь, ни трупов, вываливающихся из шкафа вместо моли. В бачке унитаза только ржавая вода – и никаких признаков спрятанного там кокаина. Скука. Красивые мужчины вроде Брэда Питта не сталкиваются с тобой в узком коридоре и уж точно не едят арахисовое масло на твоей кухне. По соседству не живет тайный агент, и ни в одном из местных баров ты не встретишь соблазнительную писательницу, по совместительству серийную убийцу...

Каждое утро подъем в семь, борьба с будильником за лишних пять минут сна, затем душ, завтрак. В половине восьмого я как штык стою на остановке, ожидая, когда карета в виде видавшего миллионы пассажиров автобуса будет подана к моим ногам. А потом на работе выслушиваю остроумности коллег по поводу моего выбора средства передвижения. Вчера это выглядело так:

– Как ты думаешь, я доживу до того дня, когда ты приедешь в офис на машине? – с противной усмешкой спрашивает меня сотрудник, мужчина или мальчик, это как кому приятнее, лет тридцати с небольшим. Вечно дразнящий меня весельчак в очках с дымчатыми стеклами. Не знаю, можно ли его назвать другом, пиво мы вместе не пьем и в гости не ходим. Лучшая формулировка для наших отношений – кофейные приятели, болтаем во время кофе-брейка на работе.

– С твоим образом жизни ты и до вечера можешь не дожить, – парирую тем, что первое приходит в голову, я же ничего не знаю про его жизнь, а главное – не хочу этих знаний.

– Давай серьезно. Вот как мужик мужика тебя спрашиваю, – да, на работе у нас гендерное равенство, и назвать девушку мужиком в порядке вещей, – какого черта ты не пользуешься такси, как нормальные люди?

– Хочешь как мужик с мужиком? Хорошо. Вот скажи, какого черта ты пристаешь ко мне со своими тупыми вопросами? Я что, в твою грядку залезла? Хочу – езжу, хочу – не езжу, это мое дело, – так же «вежливо» отвечаю я.

– Эй-эй-эй! Придержи коней!

– Эй-эй-эй! Слезь с моих саней, – обрываю я его. Это нормальная форма общения в нашем коллективе, первое правило которого гласит: «Укуси первым, пока другой не отгрыз тебе хвост».

– Чтобы закрыть этот вопрос, расскажу тебе одну историю, – примирительно продолжаю я. – Был у меня один знакомый. Совсем не простой человек. Как-то после вечеринки, где мы обсуждали итальянских художников позднего Кватроченто, я задержалась у него дольше остальных. Тогда я еще ездила на такси. Машина была заказана, и пока я ее ожидала, он занялся уборкой. Ходил вокруг стола и сливал содержимое бокалов обратно в бутылки. Да, я удивилась не меньше, чем ты. И даже спросила: «Зачем?». Он улыбнулся: «Не хочу, чтобы добро пропадало». Вот и все. При желании он мог купить пару супермаркетов в нашем городе, но это не мешало ему собирать воду жизни, как называют французы алкоголь, в места постоянной дислокации.

– Ну и при чем тут маршрутка? – спросил любознательный сотрудник.

– «Чтобы добро не пропадало», – молвила я, и мы дружно пошли создавать материальные ценности, именуемые в народе *добром*.

Было время, когда я работала в большом офисе с девяти до шести с приятными людьми и маленькой зарплатой. Сейчас с точностью до наоборот. Я работаю в маленьком офисе с неприятными людьми и большой зарплатой. Я здесь исключительно из-за денег.

Когда я слышу выражение «не в деньгах счастье», мне хочется, в зависимости от ситуации, заткнуть или себе уши, или рот вещающему.

Счастье, – говорил он, –
Есть ловкость ума и рук.
Все неловкие души
За несчастных всегда известны.
Это ничего,
Что много мук
Приносят изломанные
И лживые жесты.

Да, это слова есенинского Черного человека, но я не расистка, а материалистка, предпочитающая десять долларов одному... Как, впрочем, и все остальные.

Поэтому сейчас я езжу на маршрутке, экономя каждую копейку, чтобы купить себе эту долбанную сваями квартиру в новом доме.

Мне двадцать семь, и, как говорит мой дедушка: «Уже наивысшая пора задуматься о замужестве и детях». Он прав, но мысли его не материализуются, и цокота копыт скачущего за мной принца я не слышу. Еще ни один рыцарь не попытался вызволить принцессу из офисного плена и поселить в своем замке. Поэтому я выбрала программу под названием «Помоги себе сам», и маршрутка заняла в ней отдельную главу, полную драматических диалогов, запахов и прикосновений.

К примеру, вчерашняя поездка приподняла мне настроение:

– Молодой человек, передайте за проезд. Нет, ну я к кому обращаюсь? – бабуля со скрипучим голосом начинает дергать свою жертву за плечо, и когда мужчина наконец-то оборачивается, она, вместо того чтобы передать деньги, отчитывает его.

– Ну что это за мода пошла?! Засунет себе в уши всякой ерунды и ничего не слышит, когда ему говорят.

– Вам куда? – спрашивает мужчина.

– Куда-куда? Туда... Только никто не забирает.

– Бабушка, я спрашиваю: где вам надо?

– А-а-а... На Ленина хочу.

– Опоздали, бабушка, на Ленина уже поздно. Разве что в Мавзолей...

– Да на Ришельевскую ей! – кричит круглощекая женщина из задней части автобуса.

– Водитель! Один Ришельевская!

Наконец-то деньги переданы. Бабушка пытается продолжить разговор, сетуя на переименование улиц и плохую погоду.

– Какая власть, такая и погода, – комментирует ее слова резко пахнущий пассажир с сумками в обеих руках.

Мужчина его шутки не слышит, так как успел надеть наушники и перенестись на чей-то концерт. Он что-то напевает себе под нос, смешно дергая головой.

Кроме того, я в очередной раз пыталась накраситься в маршрутке. Современной женщине появляться без макияжа на людях нельзя. Пассажиры маршрутки покамест к этому подвиду не относятся. Утром времени на штукатурку нет, и так благодаря работе мой сон сократился с восьми до шести часов – медленный суицид.

В наше время куда не покрути головой – везде убийство, только способы разные. Курение убивает, еда из «Макдональдса» и загазованный воздух убивают, алкоголь не отстаёт от остальных и тоже губит. Думала, что торты с печеньем безвредны, но и они оказались кровожадными палачами, настойчиво ведущими нас к кончине. Все норовят сократить мой срок пребывания под солнцем, да и само солнце со своим ультрафиолетом занято тем же. Как говорил дедушка, но уже не мой: «Многие знания, многие печали». И тут Соломон Давидович не ошибся. Не хочу сказать, что я сильно умная, но хотелось бы быть ещё глупее.

В общем, убийство – это не только результативная часть списка семи смертных грехов, но и неотъемлемая составляющая нашей жизни. Каин, как известно, убил своего брата Авеля, а дальше пошло-поехало.

Во времена палеолита, чтобы выжить, убивали мамонтов. Борясь с холодом, убивали и убиваем тигров, зайцев и бобров, дабы греться в их шкурах. Потом прогресс и наше умственное развитие начали набирать обороты – сначала мы убивали друг друга порциями, а потом перешли к шведскому столу. Первая мировая, Вторая мировая, про Третью, если доживем, уже никто не вспомнит...

И вот мы, венец эволюции, знаем, «что такое хорошо и что такое плохо», но отказаться от убийства не можем. Даже убивая убийц, мы не сокращаем число убийц на Земле. Желание убивать никуда не делось, оно, затаившись внутри нас, терпеливо выжидает подходящего момента, накапливая количество виртуальных жертв в видеоиграх.

В видеоиграх, что так безобидно, на первый взгляд, помогают выпустить пар на работе и убежать от скучной реальности дома. Чума двадцать первого века, видеомир, и необъятное интернет-пространство, затягивающие нас все глубже с каждой секундой пребывания в нем.

Добравшись до работы, первое, что я увидела, был раскрывший свои металлические объятия ноутбук, ждавший свою жертву – меня. Да-да, я не оговорила, он губит меня эффективнее печенья, фастфуда и загазованности вместе взятых. Цифры и буквы продолжают стоять перед моими глазами, даже когда я глаза закрываю. Компьютерные излучения плохо влияют на кожу лица, утверждают ученые, а мозги от них просто тают, как масло на сковороде, – уверенно скажу я, исходя из собственного кулинарного опыта. И это только цветочки, главное его оружие – возможность выходить в интернет-пространство, а там ягодок собирай – не хочу.

Удручающую атмосферу офиса, наполненного влипнувшими в мониторы сотрудниками, что напоминают зомби, – бледность, синяки под глазами и мычание, отмечающее перемену чисел на экране, не спасали ни купленные в подземном переходе акварели, ни заключенные в рамки мотивирующие высказывания. «Четкая цель – первый шаг к любому достижению», «Работать надо не 24 часа в сутки, а головой» или «Только дурак нуждается в порядке – гений господствует над хаосом» – цитаты, стесненные в дешевых пластиковых рамках, с жалостью смотрели на нас со стен, выкрашенных в унылый серый цвет. Дни, проведенные на работе, отличаются друг от друга только сменой индикаторов рынка и курса валют. А в общем, я сижу на том же месте, в перерыве пью кофе в окружении несменных лиц и неустанно контролирую местных криптошахтеров. Биткоин снова трясет, как ведьму перед распятием, он падает, чтобы взлететь, но, принося доходы, отбирает мой сон. Иногда, как вчера, приходится ждать

десяти утра, и только после этого спокойно идти домой. Маленькое уточнение – десяти утра по-американски. По четвергам мне звонят из Лос-Анжелеса, нет, не Ди Каприо, его бы я как раз ждала без сожалений. Звонят из главного офиса, а я отчитываюсь, отчитываюсь хорошо и на совесть, поэтому домой раньше десяти вечера не прихожу.

И вообще, четверг – это как проснуться в четыре утра: вроде спал, а вроде и нет. Сказать, что я вымоталась за вчерашний день, – не сказать ничего.

Я всегда радуюсь, покидая стены офиса. Иногда сильнее, а иногда тихо, улыбаясь где-то там, глубоко внутри, так как вынести наружу эту радость нет сил. В такие моменты вспоминаю фразу о том, что легких денег не бывает. О, да! Я это знаю точно. Взять хотя бы тот факт, что я попала на эту работу. История, пробирающая до мурашек, и эти мурашки выступают на коже не от удовольствия. Но рассказывать ее я пока не готова. Могу только заверить, что никого, кроме собственных стыда и совести, не убивала.

Так что, покидая работу, я с облегчением выдыхаю. Кусок моей жизни уходит вместе с прошедшим днем – я это осознаю. Привет завтра – больше морщин у глаз и меньше времени впереди. Но все равно возвращение домой сквозь ночной город – это «праздник, который всегда с тобой!» Я радуюсь почти так же, как радовались рабы, обретшие свободу. Вот так и живем. Вроде и у нас когда-то крепостное право отменили, но часть офисных работников об этом еще не знает.

До боли под ложечкой знакомая маршрутка и долгая дорога домой. Некоторые пытаются уснуть, но это не так легко, как кажется. Дело в том, что когда наши дороги проектировали, кто-то крепко задумался над тем, как улучшить качество и длительность жизни среднего гражданина. После долгих дискуссий и исследований было решено, что «дороги ни в коем случае не должны быть ровными! Монотонное движение склоняет человека ко сну, обездвигивает, а затем повышает вероятность засыпания за рулем, развивает атрофию мышц...».

На мытых шампунем дорогах Европы о людях не заботятся, а вот на наших инженеры поработали хорошо. Едешь – и, казалось бы, хочется спать, а тут на тебе, две-три ямы – и ты снова бодрячком.

Плюс ко всему никакой атрофии, ведь во время вождения ты не сидишь, утопая в кресле, как недолюбленный властью европейский водитель. Ты прыгаешь и куражишься всю дорогу – мышцы работают, в сон не клонит – красота! «Хвала и слава рулевому!» Хотя один недостаток все-таки есть – ходовая страдает, но сравнимо ли это со всеми выгодами? Конечно же, нет! Это так, пустячок! Вот как нас со всех сторон неустанно долюбливает власть.

После сорокаминутной аэробики в набитой маршрутке – я дома.

Дом, милый дом. Немытая с утра посуда и счета за коммунальные услуги делают мне больно, а потом я включаю новости и понимаю, что больно не мне одной. И от этого становится легче. Славянская душа, что тут скажешь? Соседская беда тешит больше, чем собственное счастье. И с этим чувством удовлетворения иду к холодильнику, чтобы порадовать себя еще больше. Вчера я всю дорогу скрашивала мечтами об этой встрече, и вот мечта сбылась. Передо мной он, белый красавчик с морозным дыханием.

– Ну что тут у нас? – пытаюсь завязать диалог с моим другом, у которого так часто дрожит душа.

– Так-так, на горизонте виднеется бутылка с обезжиренным йогуртом, это уже хорошо. А тут что? – я пытаюсь снять крышку с кастрюли. – М-м-м... вчерашний борщик!

И тут вспоминаю шутку: «Любите вчерашний борщ – придите завтра!» – и хохочу на всю квартиру.

– Сейчас мы проверим, насколько ты вчерашний!

Я иду за ложкой, а потом засовываю ее прямо в кастрюлю, чтобы продегустировать борщ. В такие моменты я ощущаю всю прелесть холостяцкой жизни.

Борщ оказался совсем «вчерашним», потому решила порадовать себя конфетами и сериалом, чтобы не радовать унитаза проведенной с ним ночью.

Может, кто-то и говорит, что конфеты на ночь глядя – плохо. Но плохо – это когда свободный человек весь день в офисе сидит, а сладости – это очень даже неплохо. Умирать здоровым – это почти то же самое, что и больным. Поверьте, результат один и тот же – четыре доски и маленький участок без права покидания территории. Некоторым везет немного больше – они получают джекпот в виде фарфоровой вазы и кочевания с ветром

в образе пыли. Но так или иначе каждому путешествию, сколько бы оно ни длилось, неизбежно приходит конец.

Так что сладости – легкое поощрение себя собой же в выматывающем странствии под названием «житие мое». Живу как могу. И спится мне хорошо, несмотря на полный желудок. Никаких кошмаров. Кошмары начинаются как раз на голодный – мудрость, основанная на опыте.

Сериалы на ночь смотрю не потому, что я их люблю. Люблю я совсем другие вещи, но мне нравится засыпать под тихое бормотание со вкусом шоколада на губах. А для этого идеально подходят сериалы. У каждого не меньше трех сезонов, что является плюсом, так как расставания – это не мой конек. Легкая грусть, неотъемлемая эмоция во время просмотра последних серий. За время, проведенное у экрана, я сживаюсь с героями, привыкаю к их лицам. Что говорить, иногда кажется, что смазливый любовник Габриель Солис из сериала «Отчаянные домохозяйки» частично и мой.

Приходя с работы, первым делом включаю компьютер, чтобы услышать родной голос.

– Привет соседи! Ну, что нового? – они не отвечают мне сразу, или вообще не мне, но меня это не смущает, и разговор продолжается.

Сегодня я не буду включать сериал, мне нужно что-то более родное и нежное, чтобы погрузиться в объятия Морфея.

«Москва слезам не верит» – идеальный кандидат. А вот по поводу слез – им не верит не только Москва. В наше время слезам не верят даже дети.

Фильм хороший, про название вообще молчу. Прочитав его, можно и фильм не смотреть, а сразу поддаться катарсису. Недаром он «Оскар» получил, там любят такое.

Кстати, проследила тенденцию – если вы хотите, чтобы ваш фильм победил, следуйте инструкции: берете одного плохого героя и одного хорошего, но обязательно с наивной мечтой и желанием спасти весь мир. Потом кладете туда пару афроамериканцев, китайца, японца, и не надо их путать, дорогие мои, у китайца глаза более узкие. Дальше нужен герой из сексуальных меньшинств или больной ребенок.

Раскройте зрителю драму их жизни, покажите, что мир напрасно так жесток, ведь в конце все должно быть хорошо. Любовь и человеческое взаимопонимание преодолевают все. В кино, конечно. Голливудском зачастую. У нас все гораздо мрачнее, причем как в кино, так и в жизни.

Стрелка на часах переваливает за двенадцать, фильм почти закончился, про конфеты я вообще забыла. Потихоньку погружаюсь в сон. Мысли расплываются, проваливаюсь. Тело ослабевает, томная пелена сна накрывает меня.

Перед глазами пляж, я – голубоглазая блондинка с бюстом четвертого размера и талией, как у Софи Лорен. И не говорите, что мы во сне видим себя такими, как в жизни, – худой брюнеткой с греческим носом: у меня все по-другому. Сон на то и сон, чтобы хоть там все было, как не на самом деле. Итак, песок белый, океан цвета лазури. Оглядываюсь по сторонам и замечаю приближающегося ко мне сексуального спасателя с пляжа Малибу или Джеймса Бонда, неважно. Важно, что он красив, сложен как Аполлон, и ему нужна я. Пытаюсь идти ему навстречу. Ступни вязнут в теплом песке, на шее выступает испарина, и капля пота катится вниз по полной груди к солнечному сплетению. Я уже чувствую на своих губах жар его поцелуя с соленым привкусом океана. Низким грудным голосом он что-то говорит мне, но я не слышу. Подхожу ближе, пытаюсь читать по его пухлым влажным губам, но не могу сосредоточиться. Между нами расстояние меньше, чем между унитазом и биде, он тянет свою руку к моему лицу, волосам, океан шумит все громче и громче.

– Повтори, я ничего не слышу! – кричу я, а он вместо этого со всей дури хлопает меня ладонью по лбу, да так, что в ушах начинает звенеть. Потом еще раз, еще, и тут я просыпаюсь. Надо мной кружит комар, издающий звук пикирующего истребителя.

– Твою дивизию! – медленно убираю свою руку со лба и пытаюсь зажечь свет, чтобы убить его.

– Да что же такое!

Несмотря на то, что я проснулась и в здравом уме, комар нагло продолжает попытки меня укусить.

– Вот зараза! – одной рукой я машу над лицом, стараясь его отогнать, а второй шарю по стенке в поисках выключателя. – Мерзкий же

ты комар, такое свидание испортить! Может, оно было бы лучшим в моей жизни! – первая и не самая умная мысль в моей голове. Но так уж я устроена, люблю иронизировать, а особенно над собой.

Наконец-то мне удалось включить лампу.

– Сейчас я тебе покажу кузькину мать! – говорю ему, осматриваясь, чтобы вычислить, где он затаился.

– Должно быть, ты на потолке засел. Сейчас ты свое получишь.

Я присматриваюсь к потолку, но, увы, никого там не вижу.

– На потолке нет, значит, на стене сидишь, выжидая!

Но и на стенах никого нет. Просто полтергейст какой-то, а не комар! Я немного смутилась, а потом еще раз внимательно, насколько это возможно в три часа ночи, осмотрела потолок и стены, но тщетно. Конечно, какая-то вероятность, что он мне приснился, есть, но такие сны – это громкое бип-предупреждение о том, что крыша потихоньку начала сдвигаться с несущих стен.

– Так, давай оценивать ситуацию объективно, – говорю я сама с собой, что некоторые тоже считают симптомом сумасшествия. Но я придерживаюсь другой теории.

У людей, которые говорят сами с собой, уровень интеллекта гораздо выше, чем у тех, кто молчит. Все гении вели дискуссии и споры со своим внутренним «я». А чем я хуже? Может, я тоже гений, но пока не признанный. И ключевое слово в этом предложении – «пока».

Ну и пока меня не признали, есть время свести факты и понять, откуда этот зверь прилетел или каким ветром его занесло в наши края.

Я открывала окно: как вариант – он оттуда, хотя нет, тогда на улице моросило, было довольно ветрено, а комары и ветер – это как гей и традиционно ориентированный, отношения, конечно, возможны, но вероятность сводится к нулю. А событие с нулевой вероятностью – это что? Это не что иное, как чудо, дамы и господа. А теперь вопрос на засыпку: чудеса бывают в реальной жизни? Нет, дорогие мои, только в сказках или в кино, что, по сути своей, та же сказка. Так что с улицы комар просочиться не мог, уже хотя бы потому, что он не жидкий.

– Это жидкость формы не имеет, а комар очень даже сформированный, – как отрезала я.

Тогда откуда?

Я разочарованно от безуспешной охоты ковыляю к кровати, продолжая перебирать варианты. Залезаю под еще теплое одеяло, выключаю свет и пытаюсь уснуть. Комар не подает никаких признаков жизни, но мысли о нем все еще крутятся в моей голове.

– А может, я его убила, когда во сне по лбу себе дала, а жужжание, которое слышала после, – это как фантомные боли. Когда человек теряет часть конечности, но все равно ее чувствует, словно она при нем. Часть тела может зудеть, болеть, ныть, и человек по инерции тянется ее потрогать, почесать – а там ничего нет. Страшно. Так, а ну-ка, плохие мысли прочь! Спать, спать, спать! Я снова погружаюсь в долгожданный сон, но откуда ни возьмись появился он. Так же неожиданно, как в детском стишке про Муху-Цокотуху:

Вдруг откуда-то летит
Маленький Комарик,
И в руке его горит
Маленький фонарик.

Только этот комарик отнюдь не маленький, и прилетел он не спасать меня, а кровушки моей напиться.

– Ну сколько можно! Ты такими темпами меня до белого каления доведешь! – кричу я ему о своих познаниях в металлургии. – Вчера не выспалась, сегодня снова веселая ночь. Где женская солидарность, а? Слышала о такой, дамочка? – обращаюсь я к комару. Это я так говорю – комар, а на самом деле это комариха. Спросите, откуда я знаю? Под хвост заглядывала, пока он меня кусал. Шучу. Просто кусаются только женские особи, мужчины-комары спокойные, как кобели после кастрации. А этим кровушки пить хочется.

– Вот, брала бы пример с людей, – говорю я комару. – Нам, женщинам, ведь тоже иногда крови хочется, но мы же не кидаемся на животных, как бешеные, и не высасываем их кровь. Для этого мы заводим мужа. Понимаешь меня? – я смотрю по сторонам, пытаясь поймать ее.

– Понимаешь намек? – не могу сказать, что комары неуловимые, но они реально быстрые: пока я хлопну в ладоши, чтобы зажать его там, он уже в другом конце комнаты.

– А я тебе кто? Сват, брат? Так что давай, лети отсюда! – я пытаюсь договориться с комаром. Нормальная? Просто очень хочется спать. Завтра работа. Снова прокладывать путь к мечте сквозь тернии. По моим расчетам, в лучшем случае я выдвинусь на рынок недвижимости как покупатель к следующему году, а по худшим – так вообще через года полтора соберу нужную сумму. А ремонт...

Но я честно готова сносить все, только бы уже иметь свой личный уголок, свою крепость. Знаете, как говорится, дома даже стены лечат. Конечно, я не уверена на все сто, что, гоняя комара в своей квартире, я была бы намного счастливее, но я так хочу иметь эти стены, быть уверенной в своем завтра, а не ждать, когда арендодатель скажет мне: «Выметайся, у меня дочь замуж собирается и будет здесь жить».

Хочу иметь свою кровать, свой чайник, свой унитаз – не самый дешевый с плохим сливом, для квартирантов, а свой, нормальный. Я хочу возвращаться домой, в свой дом, где все будет так, как я хочу. Куда я смогу позвать родителей или друзей с ночевкой, так как кроватей хватит на всех, и никому не придется спать на полу. Хочу по утрам заваривать кофе в своей турке. Поить им близких и громко смеяться, рассказывая разные истории, не боясь, что сосед пожалуется хозяину квартиры, и меня будут отчитывать. Потому что хозяином буду я. Я не буду бояться заболеть или потерять работу, или уехать в слишком длинное путешествие, потому что мне будет куда вернуться. А потом я рискну все бросить и жить так, как мне захочется, делать только то, что будет приносить мне удовольствие.

Но если я сегодня хотя бы полтора часа не посплю, если этот комар не сохнет, то до будущего я могу и не дожить.

И в моей больничной карте причиной смерти укажут стабильное недосыпание и нервный срыв на почве маниакальной жажды убийства. Если бы у тебя, комарик, как в стихе, на ножке был фонарик, вычислить тебя было бы гораздо проще. Но в моем случае я могу ориентироваться только на звук.

В тот момент я решила перейти к радикальному наступлению и направилась в ванную за полотенцем.

– Ты даже моргнуть не успеешь, как я из тебя отбивную сделаю, – погрозила я комару.

Я уже говорила, что все мы любим убивать. И в тот момент я была уверена в этом больше, чем когда-либо. Бывало, мне хотелось убить своего коллегу, ну я вам о нем уже говорила. Прямо хотелось со всей силы ему в лицо вlepить, да так, чтобы стереть его неувядающую улыбку раз и навсегда. Зачем? Не знаю, зачастую это желание возникало после непонятных придинок ко мне. Он жужжал надо мной, точно как этот комар.

– Слушай, когда ты собираешься себе бойфренда завести? Годы-то идут!

– Сразу после того, как ты мозгами начнешь пользоваться.

– Не затронуло, – перебил он. – Это ты такая злая, потому что недолюбленная.

– А ты что, психотерапевтом подрабатываешь? – нервно спрашиваю, реально затронутая. – Или, как говорила моя бабушка, «когда у людей нет личной жизни, они начинают лезть в твою».

– Умная женщина твоя бабушка. У меня выходные свободные – может, познакомишь?

– Она для тебя слишком старая, – как мне казалось, остро подмечаю я, тихонько хихикая.

– Ты для меня тоже старая, но я уже почти смирился, – с мерзкой, хотя, если по-честному, то даже очень обаятельной улыбкой подкалывает он.

– Да пошел ты! Дурак! – не удержалась я. Вот и наступил тот самый момент, когда жажда убить или хотя бы заехать в лицо так сильна, что лучшим решением было просто уйти, чтобы не доводить дело до греха или себя до слез.

А касательно комара – его я убью с удовольствием! Поскольку в Красной книге он пока не числится, от государства мне ничего не будет. Общество по защите прав комаров еще не создали, так что вперед и с песней!

Я везде включила свет, надела очки вместо снайперского прицела и зажала в руке полотенце.

Сон. Какой сон? У нас тут ночное сафари. Я прыгала с кровати на диван, с дивана на стол и била полотенцем по потолку. Гонялась за ним из угла в угол. Как бешеная кошка теряет самообладание от валерьянки, так я потеряла голову от желания убить.

Тогда главным был даже не сон, не работа или мечта, что гнала меня вперед. Убить – вот чего мне хотелось больше всего.

Вы слышали про пирамиду Абрахама Маслоу? Кстати, тоже наш, родители из Киева переехали в США, где он из еврейского мальчика, сына бондаря Самуила, стал американским психологом и основателем гуманистической психологии. А все потому, что не было у него комара, спал хорошо, вот и придумал «Пирамиду человеческих потребностей». Все очень логично: сначала человек жаждет удовлетворить свои физиологические потребности – кушать, спать, ну и прочее; потом он задумывается о безопасности, ему нужен дом и постоянство – моя тема, затем социальные потребности, за ними престижные – типа признание, успех, и наконец-то духовные. Так вот, я верю в нее, как верю в то, что от хлеба полнеют. И убить комара – это моя физиологическая потребность, основной инстинкт, жажда самосохранения – называйте как хотите! Сон для меня ценнее чьей-то жизни. Вот как-то так...

– Вот так-то! Да! Да! А что я говорила? Что? Допрыгался? Допрыгался, козлик, обломали тебе рога!? Знай, с кем связываешься! – я кричала и прыгала на кровати, держа за крыло дохлого комара.

– Убила! Убила я тебя! – я держала его как трофей, заслуженный в поте лица, и говорила с ним, как только победитель может говорить с поверженным.

– Ну говорила я тебе, что убью, говорила? Предупреждала, что не получится моей крови попить? Не на ту попал!

Тут с потолка донесся громкий стук, образующийся от удара с приложением дополнительных усилий тяжелым предметом об пол. Проснулся сосед сверху – мгновенно поняла я.

Быстро спустившись с небес на землю, я закрыла рот, прекратив шуметь. Затем тихонько слезла с кровати, открыла окно и эффектно выбросила труп комара на улицу.

– Лети, лети, лепесток, через запад на восток, – я самодовольно улыбнулась и пошла мыть руки.

– Твою мать! – это было последнее слово, сказанное мною после того, как я увидела часы, и до того, как легла в кровать.

То, что я увидела на часах, подействовало на меня, как жменя валерьянки на пару с таблеткой успокоительного и мелатонина, запитые стаканом водки. На часах высвечивались цифры 05:40,

а в семь я должна проснуться в здравом уме и дееспособном теле. Совесть меня не мучила, и я заснула почти сразу, как только добралась до постели.

Полтора часа пролетели быстро, бестолково и с привкусом недосыпа во рту.

Будильник весело пропел мне доброе утро, но, увы, таковым оно не являлось. Какое еще доброе утро, когда комар всю ночь испоганил?

День начался с того, что я почистила зубы кремом для рук. Затем пять минут бранилась сама с собой в ванной. После чего, кинув случайный взгляд в зеркало, получила легкий испуг и решила замазать темные круги под глазами тональным кремом, но те пробивались сквозь него, словно подснежники весной, синяя, как губы на морозе.

– Ну и ладно, – пробормотала я, накинула куртку, зажала в зубах кусок сыра, чтобы по дороге перекусить, и уже собралась открывать дверь, как зазвонил мобильник.

На экране светился неизвестный номер. Первая мысль: что могло случиться, ведь рабочий день еще не начался? Я вытянула сыр изо рта и положила его назад на тарелку.

– Алло! – ответила я.

– Квартира 44? – спросил меня женский голос.

– А что? – поинтересовалась я.

– Девушка, такси на месте. Синяя «Toyota», номер 1232.

– Вы ошиблись номером. Я не заказывала машину.

– Ваш муж заказывал и оплатил поездку онлайн.

– Спасибо за информацию, но кто заказывал, тот пусть и едет. До свидания, – и я повесила трубку.

Это еще что такое? Что за приколы? Какой еще муж?

Научились разводиться людей. То из банка звонят в семь утра, мол, в целях безопасности им срочно номер твоей карты надо знать. Ага. А потом ищи ветер в поле вместе со своими деньгами. Мало так зарабатывают, теперь такси придумали. Они что, людей похищать надумали или кошельки забирать?

Я бежала через двор к остановке, обдумывая новый развод доверчивых граждан. А может, они, и правда, отвезут на работу, а за это время квартиру почистят? Чем не вариант?

Пока я добежала, автобус успел отчалить. Так всегда. Успеть увидеть его задницу, и не более. И хоть бы один из пассажиров сказал водителю, что там вон девушка добегает. Никто и звука не испустит. А ведь сто процентов видят, что я бегу. Что за люди поехали?

Тут я увидела знакомый автомобиль. «А он что тут делает?» – подумала я.

– Эй, ненормальная, доброе утро! – опустив стекло, кричит мне водитель.

– А ты в курсе, что здесь нельзя останавливается? – узнав голос своего кофейного приятеля, ответила я.

– Не умничай, а побыстрее запрыгивай в машину, – улыбаясь, уже чуть тише говорит он.

Я быстренько побежала к машине, открыла дверцу и, не успев уместиться на сидении рядом с водителем, продолжила разговор:

– Привет! А ты что здесь делаешь?

– За тобой приехал, – смеясь, ответил он.

– Ага, – недоверчиво кивнула я головой, – еще скажи, что соскучился.

– Знаешь, мне нравятся дурочки, но сейчас ты ведешь себя, как дура, – с легким укором сказал он мне. – Почему в такси не села?

И тут я на секунду зависла. «Может, я реально дура?» – прокрутилось в моей голове. Получается, он мне такси заказал?

– Боюсь привыкнуть, – поумничала я.

– Как я и ожидал. Тогда придется привыкнуть ко мне...

Он смотрел на меня и улыбался. Почти так же, как на работе, но тут, в машине, мне не хотелось ему за это врезать. Мне хотелось...

– Вот твой кофе, – указал он на бумажный стакан в подставке возле меня. – Двойной эспрессо, как любишь.

Я улыбнулась и потянулась за стаканом, но он перехватил мою руку своей, сильной и теплой.

– Не сейчас, выпьешь, когда приедем, а пока у тебя есть полчаса, чтобы вздремнуть, а то смотреть больно.

– Ты собрался меня каждый день возить? – усомнилась я. – Дел нет?

– Есть, но кто-то же должен о тебе заботиться, – сказал он, смотря мне в глаза.

Если вы думаете, что я начала кричать «Останови машину!» или выпрыгивать на ходу и бежать вслед за маршруткой, то нет.

Я опустила спинку кресла, закрыла глаза и попыталась доспать ушедшую ночь. Мотор монотонно шумел, в салоне пахло свежесваренным кофе, а в голове роились воспоминания, вырванные кусочки моей будничности, о которых я рассказывала вам, пересмысливая. Зачем? Чтобы увидеть возможности, которых не замечала раньше, и осознать ошибки, мнившие себя правыми.

Рядом со мной сидит не принц, а обычный мужчина. Мужчина, а не мальчик. Он не срывает звёзды с небосвода, не раскидывается заезженными фразами. Он делает то, чего ожидает от мужчины каждая женщина, – заботится о ней.

Поэтому завтра и через неделю я выберу его вместо наполненного автобуса. Не потому, что он мне нравится, хотя и обратного утверждать не могу. Женщины любят не блондинов и не брюнетов, не толстых и не подтянутых, не высоких или коротышек, женщины любят тех, кто печется о них.

Да, я дам ему шанс, а заодно и себе. Не потому, что меня легко увлечь, – я крепкий орешек, хорошо знающий, что люди, которые хотят чего-то достичь, должны иметь четкий план и твердо следовать ему. Но еще я знаю: чтобы стать по-настоящему успешным, нужно вовремя менять свои планы и при этом быть счастливым, уметь договариваться с собой и не бояться бить в лицо первым, а если надо – и убить. Убивать свои привычки, которые, как ночной комар, мешают прожить ту жизнь, к которой ты стремишься.

Когда тебе захочется сделать какую-то глупость, сказать дерзость только потому, что ты считаешь это правильным, задай себе вопрос: «Ты хочешь быть правой или счастливой?».

И если ты выбираешь последнее – убивай то, что мешает тебе, без тени сомнения. Все мы убийцы. Вопрос только в том, кого в итоге мы уьем – себя или свои слабости.

P. S. *Via est vita.*

